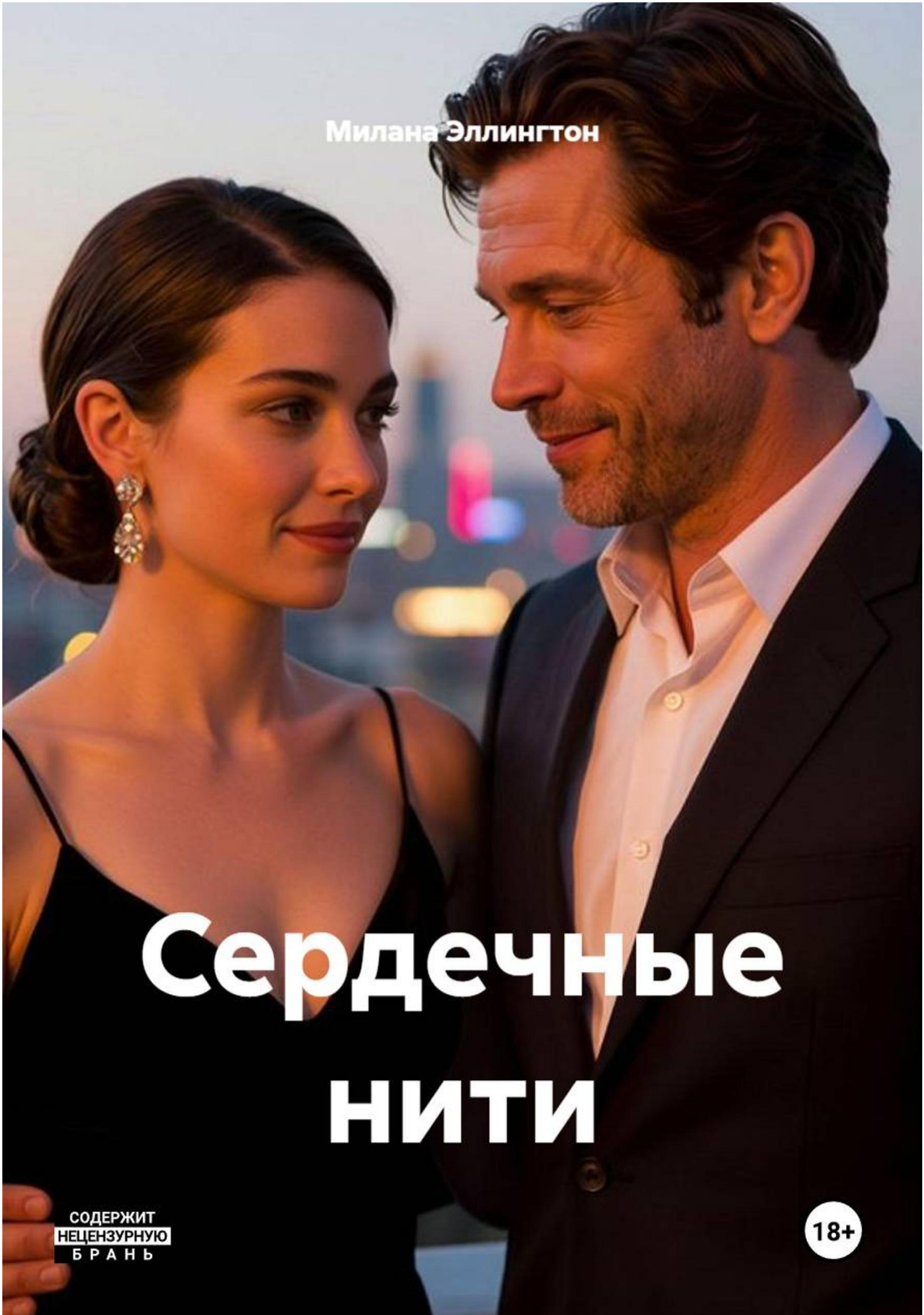

Милана Эллингтон
Сердечные нити
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Милана Эллингтон

Сердечные нити

«Автор»
2026

Эллингтон М.

Сердечные нити / М. Эллингтон — «Автор», 2026

Амели и Эдриан — две звезды мира кино, связанные с самого детства. Их отцы дружили, и эта связь незаметно сплела судьбы героев, наполнив их юность общими триумфами, победами на подиуме и робкими, чистыми чувствами. Однако время жестоко разлучило их, разбросав по разным дорогам. Годы стерли краски юности, но не смогли погасить тепло первых прикосновений, спрятанное глубоко в сердце. Спустя долгое время судьба дарит им долгожданную встречу. Она подобна мощному разряду, который пробуждает давно забытые эмоции и заставляет заново пережить всю гамму чувств.Эдриан все эти годы хранил свою любовь к Амели как драгоценность, согреваясь ею изнутри. Амели, возможно, не до конца осознавала глубину его привязанности, но её сердце всегда знало истину — она любила его преданно «Сердечные нити» — это проникновенная история о том, что истинные чувства живут вечно. Роман о любви, которая преодолевает время и расстояние, доказывая, что иногда достаточно одного взгляда, чтобы воскресить целую вечность.

© Эллингтон М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Хрустальная маска 5
Глава 2. Человек из камня 9
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Милана Эллингтон
Сердечные нити

Глава 1. Хрустальная маска

Амелия

Я ненавижу хрусталь. Он холодный, тяжелый и имеет свойство разбиваться на тысячи острых осколков, если на него просто неосторожно выдохнуть. Прямо сейчас я и есть этот хрусталь. Платье цвета застывшей ртути весит больше, чем я сама, впиваясь корсетом в ребра так, что дышать приходится мелкими, аккуратными глотками. На моем лице — улыбка номер сорок два: «Очарование для акул капитализма». Она приклеена к коже слоем дорогого силикона, и мышцы щек уже сводит судорогой.

— Ваши инвестиции в «Aethelgard» — это покупка бессмертия, мсье Дюпон, — мой голос звучит как дорогой бархат, скользящий по стеклу. Ни одной фальшивой ноты.

Месье Дюпон пускает слюни от восторга. Я киваю. Я подливаю ему шампанское. Я — идеальный механизм. Со стороны кажется, что Амелия Синлер — это айсберг: холодная, величественная, харизматичная сука, которая топит корабли конкурентов. Парни пытаются ухаживать, присылают охапки роз, но их ждет вежливое «Благодарю, это очень мило» и закрытая дверь. Никто не задерживается. Никто не знает, что под этим шелком и льдом нет ничего. Пустота. Выжженная земля. И густая, черная, как мазут, депрессия, которую я каждое утро утрамбовываю в себя вместе с антидепрессантами.

Таблетки. Я вспомнила о них только сейчас. Утром, в ванной отеля, глядя на свое осунувшееся лицо, я забыла выпить утреннюю дозу. «Золофт». Маленькая белая капсула, которая держит меня на плаву, не давая черной воде окончательно сомкнуться над головой. Я решила, что адреналина от вечера и шампанского будет достаточно. Какая глупость. Какая опасная, детская глупость.

И вдруг хрусталь дает трещину.

Это начинается не с мысли. Это начинается с тела. Сердце пропускает удар. Воздух в зале, пропитанный запахом денег и «Шанель номер пять», внезапно становится густым, как жидкий бетон. Я вдыхаю, но легкие отказываются работать. Звон бокалов, гул голосов, скрипки оркестра — всё это сливается в один невыносимый, вибрирующий писк. Перед глазами плывут черные пятна.

«Дыши. Восемь счетов вдох. Задержка. Восемь счетов выдох».

Мантра психотерапевта трещит по швам. Месье Дюпон что-то говорит о совете директоров, но его лицо растягивается, превращаясь в гротескную маску из кошмаров. По спине, прямо по ложбинке позвоночника, бежит ледяная капля пота, портя идеальную укладку.

Паника. Она пришла. Самая унизительная гостья. Она всегда приходит, когда я снимаю броню. А сегодня я забыла таблетки. Я беззащитна.

— Амелия, этот фонд из Катара готов вложить пятнадцать миллионов, но они хотят фото с тобой для «Hola!», — шепчет мне в ухо Эмиль , мой менеджер. Его пальцы впиваются в мой локоть, как клещи. — Улыбайся. Смотри на него с восхищением. Он любит, когда им восхищаются.

Я поворачиваю голову. Лицо Эмиля плывет.

— Эмиль , мне... мне нехорошо, — выдавливаю я. Слова кажутся чужими.

— Не говори ерунды, chérie, — он даже не смотрит на меня, его глаза сканируют зал. — Ты бледновата. Добавь румян. И ради бога, не смотри так, будто хочешь убить официанта.

Инвесторы пугаются таких взглядов. Улыбайся. Ты — лицо бренда. Лицо не имеет права на мигрень.

Он толкает меня обратно к Дюпону. Я снова в западне. Я снова улыбаюсь. Но внутри меня начинает трясти. Мелкой, неконтролируемой дрожью. Это не паника. Это начало отхода. Адреналиновый удар без химического якоря.

— Прошу прощения, — мой голос звучит пугающе ровно, хотя внутри я кричу. — Мне нужно подышать.

Я не жду ответа. Я иду сквозь толпу. Я — нож, они — масло. Толкаю тяжелую стеклянную дверь на террасу. Ночной Париж бьет в лицо колючим ветром. Музыка становится далекой, безопасной.

Я вцепляюсь в мраморные перила. Меня трясет так сильно, что зубы стучат. Я перегибаюсь через ограждение, глядя на огни Елисейских Полей. Высота манит не прыжком, а тишиной. Мысль о том, чтобы просто *перестать* чувствовать эту разрывающую грудь пустоту, кажется невыносимо сладкой.

— Дыши, — шепчу я себе, впиваясь ногтями в ладони до крови. — Восемь. Семь. Шесть.

Я закрываю глаза. Я ненавижу эти приемы. Ненавижу фальшивые улыбки. Ненавижу себя за то, что вынуждена играть в эту игру. Мне хочется сорвать это платье и просто выть на асфальт. Но Амелия Синлер не воет. Она улыбается и подписывает чеки.

— Говорят, если долго смотреть в бездну, она начинает смотреть в ответ.

Низкий голос. С легкой, врожденной хрипотцой, от которой по позвоночнику, вопреки панике, пробегает совершенно другой разряд. Опасный. Знакомый. Забытый.

Время останавливается.

Я поворачиваю голову. Медленно. Очень медленно.

Он стоит в тени арки. Эдриан Вальмон.

Пять лет. Пять гребаных лет я убеждала себя, что вырезала его из памяти скальпелем.

Ему двадцать пять. Черный смокинг сидит на нем как вторая кожа, натянутая на сталь. Лицо высечено из гранита. Глаза — прозрачный серый лед — смотрят не на меня, а сквозь. В них нет тепла. Только привычное, отточенное презрение. Он курит. Медленно, глубоко, выпуская дым в холодный воздух.

И происходит чудо.

Паника отступает. Не исчезает — она затаилась в желудке змеей, — но хватка на горле ослабла. Воздух снова стал просто воздухом. Мир сузился до него одного. Я чувствую, как дрожь в коленях унимается, стоило ему просто оказаться в моем поле зрения. Это... неправильно. Это предательство моей собственной независимости. Но мое тело помнит его лучше, чем разум. Рядом с Эдрианом Вальмоном мне никогда не было спокойно, но мне никогда не было и *пусто*.

— Вальмон, — говорю я. В моем голосе нет удивления. Только сухой лед. — Не знала, что тебя приглашают на скучные финансовые рауты.

— Меня пригласили постоять рядом с тобой на фото. Продюсеры считают, что наша «легендарная дружба» добавит сериалу веса. Я согласился, потому что чек закрыл мой налоговый долг. Давай без лирики, Амели. У меня от нее изжога.

Я скрещиваю руки на груди, обхватив себя за локти. Жест защиты.

— Как трогательно. Значит, ты здесь из-за денег. А я-то надеялась, что ты просто соскучился.

— Я не способен скучать, Амели. Это энергозатратно. К тому же, твоя компания всегда напоминала мне визит к стоматологу.

Он смотрит на меня как на экспонат. Но я вижу трещину. Я вижу, как на долю секунды его зрачки расширяются. Он тоже замер, когда увидел меня.

— Стоматолог, значит, — я приподнимаю бровь. — Что ж, рада, что облегчила твой кошелек. Отойди, ты заслоняешь мне вид.

Я пытаюсь пройти, но он не двигается. Он делает шаг вперед, вторгаясь в мое пространство. От него пахнет табаком и чем-то диким. — Осторожнее, принцесса. Ты кажешься такой хрупкой. Одно неловкое движение, и ты полетишь вниз.

— Убери руки, Эдриан. Иначе я закричу, что ты меня домогаешься. Твои фанаты любят тебя благородным.

Он замирает. Глаза темнеют до грозового неба. Он выдыхает дым мне в лицо.

— Ты ничуть не изменилась. Все такая же дрянь.

Он отступает. Я проскальзываю мимо. Я чувствую его взгляд спиной. Он прожигает дыры в моем платье.

Я дохожу до двери. Мне нужно вернуться. Но ноги не слушаются. Я прислоняюсь лбом к холодному стеклу.

«Он здесь. Он курит. Он ненавидит меня. Он все еще пахнет так, что у меня подкашиваются колени».

— Амелия? — Клара, моя подруга и по совместительству актриса второго плана, находит меня у двери. Она берет меня под локоть. Ее хватка теплая, живая. — Там месье Леблан совсем скис. И Харрис ищет тебя. Говорит, нужно обсудить сцену в бассейне. Он хочет, чтобы ты была... эм... более влажной.

Я поворачиваюсь к ней. Улыбка номер сорок два дает сбой. Уголок губ дрожит. Клара — одна из немногих, кто знает. Она видела меня в приступах паники в трейлерах. Она знает про таблетки.

— Клара... — начинаю я, и голос срывается.

— Так, — ее глаза сужаются. Она профессионально сканирует мое лицо. — Зрачки расширены. Руки дрожат. Ты забыла выпить «Золофт», признавайся.

Я отвожу взгляд. Врать Кларе физически невозможно.

— У меня не было воды в зале. А потом... я увидела его.

— Вальмона? — Клара фыркает, но в ее голосе нет насмешки, только усталость. — Господи, Амели, пять лет прошло. Неужели этот ублюдок до сих пор имеет над тобой такую власть? Он выглядит так, будто питается сырым мясом и разочарованием.

— Он пахнет так же, — шепчу я. — Табаком и... домом. Я не знаю.

— Соберись, — Клара берет меня за плечи, встряхивает. Не больно, но отрезвляюще. — Слушай меня. Сейчас ты идешь к Леблану. Ты смеешься его несмешным шуткам. Ты очаровываешь его. А потом ты идешь в туалет и плачешь там ровно три минуты. Я засеку. Но на публике — ты лед. Ты меня поняла? Харрису нужны мокрые сиськи в бассейне, а не твоя клиническая депрессия на красной дорожке.

Я киваю. Клара — мой якорь. Она единственная, кто позволяет мне быть сломанной, но только за кулисами.

— Поняла.

— Иди. И если Вальмон подойдет к тебе ближе чем на три метра, скажи мне. Я плесну ему в лицо шампанским. За старую дружбу.

Она подталкивает меня обратно в зал. Я снова становлюсь ледоколом. Я шучу с Лебланом. Я смеюсь. Но внутри я считаю секунды. Три минуты до туалета. Я чувствую на себе взгляд Эдриана. Он не ушел. Он стоит там, в тени, и курит, наблюдая за мной. Он ждет. Чего? Моего срыва? Моей слабости?

Проходит полчаса. Эмиль, скользкий ублюдок, суетится рядом.

— Идеально, chérie. Спонсоры в восторге. Завтра «Figaro» выйдет с заголовком о новой иконе.

Я чувствую, как начинает ныть затылок. Первый признак мигрени. Или отходняка от паники.

— Где Эдриан?

— Уехал. Приехал его агент, орал про Ванкувер. Он даже не зашел попрощаться. Хам. Но рейтинги, Амелия! Когда вы в одном кадре, искры летят! Продюсеры писают кипятком.

Я смотрю на балкон. Он пуст. Только догорает окурок.

И что-то обрывается внутри. Не боль. Что-то тяжелое, застарелое, что я годами держала под замком, с грохотом падает на дно души. Облегчение? Предательство? Я не знаю. Он уехал. Он снова бросил меня. Как тогда.

Я извиняюсь, ссылаясь на мигрень. Клара кивает, прикрывая меня от Эмиля. Я запираюсь в самой дальней кабинке туалета «Ритца». Щелкаю замком.

И только тогда, в тесной, пропахшей хлоркой коробке, Амелия Синлер — холодная королева, железная леди — медленно сползает по кафелю на пол.

Я обхватываю колени руками. И разрыдалась. Тихо, беззвучно, содрогаясь всем телом, чтобы не издать ни звука. Слезы текут, смывая триста евро макияжа. Это не истерика. Это крушение плотины. Пять лет я строила эту стену. Пять лет я глотала таблетки, чтобы не чувствовать.

Но один его взгляд. Один запах табака. Одно слово «Амели». И моя хрустальная маска пошла трещинами. Антидепрессанты не справились. Он оказался сильнее химии.

— Mon roc, — шепчу я в темноту, давясь слезами. — Будь ты проклят, Эдриан. Будь ты проклят за то, что все еще существуешь. И будь проклята я за то, что мое сердце все еще пропускает удар от твоего голоса.

Глава 2. Человек из камня

Эдриан

Железо никогда не врет.

Снарядная сталь весит ровно столько, сколько весит. Она не улыбается тебе фальшивой голливудской улыбкой. Она не шепчет тебе на ухо, что ты — «новый Брэд Питт поколения», пока подсовывает контракт, где твои проценты урезаны вдвое. Она просто давит. И если ты не можешь ее поднять — ты слабак. Все просто. Никаких полутонов.

Я выжимаю штангу в пятый раз. Мышцы горят жидким огнем, вены на шее и лбу вздулись так, что, кажется, кожа сейчас лопнет. В элитном зале отеля «Ритц», скрытом от глаз обычных постояльцев, пахнет дорогим каучуком, чужим потом и моим отчаянием. Здесь только я, мой спарринг-партнер и пекло.

Я опускаю штангу на стойки с грохотом, который заставляет тренера за пультом нервно дернуться.

— Еще подход, — хриплю я, вытирая пот тыльной стороной ладони. Во рту привкус крови — я прикусил щеку, когда шел вверх.

— Эдриан, ты уже сделал десять, — мягко, но настойчиво говорит Винс, мой спарринг. — У тебя завтра смена в шесть утра. Грим не ляжет на фиолетовые мешки.

Я смотрю на свое отражение в зеркале напротив. На меня смотрит чужой человек. Двадцать пять лет. Идеальный пресс, который завтра будут целовать три миллиона женщин на постерах по всему миру. Широкие плечи, которые в журналах называют «стенами». Но глаза... глаза у этого человека мертвые. Серый лед, под которым течет раскаленная лава.

— Я сказал, еще подход, — повторяю я тише. Это не просьба. Это приказ.

Я ненавижу свое тело. Я ненавижу то, что оно стало моей тюрьмой. Я построил эту гору мышц не для того, чтобы играть супергероев. Я построил ее, чтобы было куда девать ярость. Ту самую, черную, вязкую, которая поднимается из желудка, когда я вспоминаю, что я — Эдриан Вальмон. Звезда. Товар. Эгоистичный ублюдок, по которому сохнут домохозяйки.

Тренировка — это единственный способ не сорваться. Когда я в зале, я не думаю. Я просто считаю повторы. Раз. Два. Три. Если я перестану считать, я начну вспоминать. А если я начну вспоминать, я разнесу этот зал голыми руками.

Душ не помогает. Горячая вода бьет по плечам, но не может смыть усталость, которая сидит не в мышцах, а в костях. Я надеваю смокинг. Ткань дорогого Тома Форда кажется мне саваном. Я смотрю на часы. До благотворительного вечера, где я должен «очаровывать инвесторов», осталось сорок минут.

Я лезу во внутренний карман пиджака. Пальцы натыкаются на пачку «Мальборо». Руки дрожат.

Мелкая, противная дрожь, которую не скрыть. Никотиновый голод. Я не курил с утра — менеджер, Марко, вылил мой утренний кофе, когда нашел сигареты в чашке. «Эдриан, у тебя пресс-конференция, от тебя будет разить, как от пепельницы!».

Я сжимаю пачку в кулаке так, что картон хрустит. Дыши. Я задерживаю дыхание. Вдох на четыре счета. Выдох на четыре. Не помогает. Дрожь переходит на плечи.

Это не просто ломка. Это паника. Она всегда подкрадывается незаметно, когда я расслабляю охрану. Когда я снимаю броню из мышц.

Я срываюсь.

Я выхожу из пентхауса, игнорируя лифт, и сбегаю по пожарной лестнице на подземную парковку. Здесь сыро и пахнет резиной. Я прислоняюсь лбом к холодному металлу «Бентли» и наконец-то достаю сигарету.

Щелчок зажигалки звучит как выстрел в тишине.

Первая затяжка — это оргазм и агония одновременно. Дым врывается в легкие, выжигая кислород. Голова кружится, но дрожь в руках начинает униматься. Сигарета — это мой единственный друг, который не просит автограф. Она просто горит, а потом умирает, выполнив свою работу.

Я затягиваюсь снова. Перед глазами встает она.

Амелия.

Я не видел ее пять лет. Пять лет я жил в аду, убеждая себя, что забыл. Я трахал моделей, я пил коллекционный виски, я скупал спорткары. Я играл циничных ублюдков так убедительно, что получил «Золотой глобус». Я стал лучшим в мире актером в роли самого себя — эгоистичного, пустого, богатого мудака.

Но сегодня, когда я вошел в тот зал, я умер.

Она стояла там. В этом проклятом платье цвета ртути. Свет софитов отражался от него, превращая ее в статую. Она улыбалась какому-то старику. Она была... идеальной. Слишком идеальной. В ней не осталось ничего от той девочки, которая смеялась так громко, что в нашем старом поместье падали яблоки с деревьев.

В ней была сталь.

И когда наши взгляды встретились через весь этот чертов зал, время остановилось.

Я почувствовал, как пол уходит из-под ног. Это не было похоже на удар током. Это было похоже на падение в шахту лифта. Сердце, которое я годами держал в холодильнике, взорвалось. Оно не просто забилось — оно лопнуло, залив внутренности кипятком.

Боже, как же она красива. И как же она мертва.

Я видел это с расстояния в тридцать метров. Я видел эту трещину в ее фарфоровой маске. Я видел, как она задыхается. Паническая атака. Я узнаю ее из тысячи, потому что сам живу с ней в одной квартире.

Я сделал шаг к ней. Инстинктивно. Меня тянуло к ней, как металл к магниту. Я хотел сорвать с нее это платье, встряхнуть за плечи и заорать: «Проснись! Ты же ненавидишь это! Ты же задыхаешься!».

Но я остался стоять.

Потому что я — эгоист. Я — камень. И если я подойду ближе, если я позволю себе дотронуться до нее, та лава, которую я сдерживаю штангой и виски, вырвется наружу. И я уничтожу этот отель. Я уничтожу ее карьеру. Я уничтожу себя.

Поэтому я стоял в тени. Я курил. Я смотрел, как она сбегает на балкон. Я видел, как ее трясет. И я ничего не сделал. Я позволил ей страдать в одиночестве, потому что мое присутствие сделает только хуже. Я — яд. Я всегда был ядом для нее.

— Ты опоздал, — голос Марко выдергивает меня из воспоминаний.

Я открываю глаза. Мы уже в лимузине. Марко сидит напротив, постукивая пальцами по планшету. Он одет в костюм, который стоит больше, чем годовая зарплата медсестры, но выглядит он как гробовщик.

— Пробки, — лгу я. От меня пахнет табаком, и Марко морщит нос.

— Открой окно.

— Я не открою окно, Эдриан. У тебя через десять минут выход. Твоя прическа стоит пятьсот долларов. Если ветер испортит твой «творческий беспорядок», студия вычтет это из моего гонорара, а я вычту из твоей задницы.

Марко — хороший менеджер. Он лучший в своем деле. Он продал меня миру как секс-символ с интеллектом. Но он не знает, что под этим интеллектом — выжженная пустыня.

— Как вечер? — спрашиваю я, просто чтобы не молчать. Тишина в машине давит.

— Идеально, пока ты не появился. Амелия Синлер — это золотая жила. Она очаровала Дюпона так, что он готов вложиться в этот мусорный стартап с головой. Она холодная, Эдриан. Она — сталь. С ней приятно работать. Не то что с тобой.

— Она не сталь, — говорю я тихо. Слишком тихо. — Она хрусталь.

Марко поднимает взгляд от планшета. В его глазах профессиональное любопытство.

— Что прости?

— Ничего. Что с сериалом? Контракты подписали?

— Подпишут завтра. Продюсеры в экстазе. Они хотят сыграть на вашей «легенде». «Двое детей, разлученных интригами отцов, встречаются снова». Это дерьмо собачье продается как горячий круассан. Они хотят, чтобы вы смотрели друг на друга с «напряженной историей».

Я смотрю в тонированное окно. В отражении я вижу свои глаза. Пустые.

— Я умею смотреть с напряженной историей, Марко. Я построил на этом карьеру.

— Ты умеешь смотреть так, будто хочешь трахнуть человека или убить его, — поправляет Марко. — В случае с Амелией продюсеры надеются на первое. Химия, Эдриан. Нам нужна химия для трейлера.

Я закрываю глаза. Химия. Если бы он только знал. Между мной и Амелией не химия. Между нами — нитроглицерин. Одной искры хватит, чтобы разнести половину Голливуда.

— Она ненавидит меня, — говорю я.

— Это лучшая база для ромкомов, — фыркает Марко. — Ненависть, переходящая в страсть. Зрители обожают, когда ледышки тают.

Я хочу ударить его. Я хочу разбить его дорогой планшет. Она не «ледышка». Она сломлена. И я — тот, кто помог ей сломаться.

Вечер — это пытка.

Я стою у колонны. Я не пью шампанское. Я вообще не пью на публике — алкоголь делает меня неуправляемым, а я должен держать лицо. Я просто стою. Наблюдаю.

Я смотрю, как она работает. Как она смеется. Как она наклоняет голову. Каждый ее жест — это математика. Идеальный угол наклона шеи, идеальная белизна зубов.

Она — машина. Самая совершенная, самая красивая машина для зарабатывания денег, которую я когда-либо видел.

И я хочу разнести эту машину кувалдой. Я хочу схватить ее за руку, уволочь в какой-нибудь грязный переулок и целовать до тех пор, пока эта маска не треснет. Пока она не закричит. Пока она не станет живой.

— Ты сейчас сломаешь колонну, — раздается голос рядом.

Люк. Мой единственный настоящий друг. Актер, который играет моего лучшего друга в сериале. Он протягивает мне стакан с водой.

— Марко рвет на себе волосы. Ты стоишь в тени уже час. Ты похож на наемного убийцу, который ждет цель. Это пугает спонсоров.

— Пусть боятся, — я беру стакан. Вода безвкусная. — Что тебе нужно, Люк?

Люк облокачивается на колонну. Он единственный, кому позволено быть рядом, когда я в таком состоянии. Он не требует от меня быть «солнечным мальчиком».

— Мне нужно, чтобы ты поработал, Эдриан. Мы на работе. Там сидит старик, который владеет половиной спутниковых каналов Европы. Он хочет фото с «великим Эдрианом». Иди, пожми ему руку. Улыбнись. Сыграй парня, который рад быть здесь.

— Я не рад быть здесь, — я допиваю воду. — Я ненавижу эти рожи. Я ненавижу их фальшивые улыбки. Я ненавижу, что мы должны лизать им задницы, чтобы они дали нам денег на кино, которое они сами не будут смотреть.

— Добро пожаловать в Голливуд, принцесса, — Люк усмехается, но глаза у него серьезные. — Я знаю, что ты ее видел.

Я замираю. Стакан в руке хрустит. Пластик сминается.

— Ты о чем?

— Не строй из себя идиота. Я видел, как ты смотрел на нее. Весь зал это видел. Там было так тихо, что было слышно, как у Дюпона вставная челюсть упала.

Я отталкиваюсь от колонны. Мне нужно на воздух. Мне нужно в зал. Мне нужно железо.

— Это ничего не значит, Люк. Это просто... рефлекс. Старые знакомые.

— Вы не «старые знакомые», — Люк хватает меня за локоть, удерживая. — Вы — это гребаная трагедия в двух актах. Я видел, как она выходила на балкон. Она была белая, как стена. Паническая атака. Я знаю, как это выглядит, у моей бывшей было то же самое. И ты стоял и смотрел. Почему ты не подошел?

Я смотрю на руку Люка на своем локте. Я мог бы сломать ему кисть одним движением. Но я просто сбрасываю его руку.

— Потому что я — причина ее паники, идиот. Ты видел, что стало с ее семьей? С компанией ее отца? Пока она строила свою империю из пепла, я трахался на Мальдивах. Если я подойду к ней, она просто рассыплется. Или ударит меня. Кстати, она пыталась. Папкой со сценарием.

Люк смеется, но смех быстро затихает.

— Она ударит тебя чем-то потяжелее, если ты продолжишь играть в «каменное сердце». Эдриан, послушай. Я знаю тебя пятнадцать лет. Я единственный, кто помнит тебя до того, как ты стал «Эдрианом Вальмоном». Ты был нормальным парнем. Ты любил ее. Ты до сих пор ее любишь. Это видно за километр. Эта твоя «мрачность» — это не образ. Это гнойник, который скоро лопнет.

— Заткнись, Люк.

— Нет. Я не заткнусь. Ты превратил свою жизнь в гребаный спортзал. Ты качаешься до потери сознания, куришь по две пачки в день и смотришь на всех, как на грязь под ногтями. Зачем? Чтобы не чувствовать. Но, мать твою, Эдриан, ты почувствовал ее через весь зал! Ты едва не пробил головой потолок, когда она вошла. Ты камень? Да ты магнит. И она — твой полюс. Вы притянетесь, и будет взрыв.

Я отворачиваюсь. Я смотрю на Амелию. Она как раз наклоняется к какому-то инвестору. Движение плавное, змеиное. Но я вижу, как дрожат ее пальцы, сжимающие ножку бокала.

Она держится на честном слове. И я тоже.

— Я не могу к ней подойти, — говорю я в пустоту. Голос звучит хрипло, чуждо. — Если я подойду, я не смогу ее отпустить. А я... я не умею держать. Я умею только брать и уходить. Я отравлю ей жизнь, Люк. Я — токсичен.

— Ты не токсичен, — Люк вздыхает. — Ты просто трус. Ты боишься, что она увидит тебя настоящего. Не звезду. Не эгоиста. А того парня, который плакал, когда его хомяк умер в седьмом классе.

— Мой хомяк не умирал, — огрызаюсь я.

— Вот именно. Ты даже свою биографию выдумал.

Люк хлопает меня по плечу и уходит к бару.

Я остаюсь один.

Я смотрю на Амелию. Она поворачивает голову, и наши взгляды снова встречаются. На долю секунды. Через весь зал, сквозь людей, сквозь хрусталь и сталь.

В этот момент я понимаю, что Люк прав. Я не камень. Камни не чувствуют, как у них крошатся внутренности. Я чувствую. И это больно настолько, что я понимаю, зачем мне нужен зал. Зачем мне нужны сигареты.

Я разворачиваюсь и иду к выходу. Я не могу здесь находиться. Воздуха нет.

— Ты куда? — шипит Марко, возникая из ниоткуда. — Твоя очередь для интервью «Variety» через пять минут!

— Скажи им, что у меня приступ язвы, — бросаю я через плечо. — Или что я умер. Мне плевать.

Я вырываюсь на улицу. Ночной воздух бьет по лицу. Я достаю сигарету. Руки трясутся так сильно, что я не могу попасть фильтром в огонь.

Я прислоняюсь к стене отеля. Закрываю глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.